

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНАСТИКИ

ГРЕГ ИГАН

ГОРОД ПЕРЕСТАНОВОК

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(8Авс)
И26

Серия «Звезды научной фантастики»

GREG EGAN

PERMUTATION CITY

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского: *Владислав Заря*

В оформлении обложки использована иллюстрация
Михаила Емельянова

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

И26 **Иган, Грег**
Город Перестановок / Грег Иган.— Москва: Издательство АСТ, 2016.— 508, [1] с.— (Звезды научной фантастики).

ISBN 978-5-17-091305-3

В 2045 году бессмертие стало реальностью. Теперь людей можно оцифровывать, после чего они обретают потенциально бесконечную жизнь в виде виртуальных Копий. Кто-то после смерти управляет собственной компанией, кто-то хочет подарить умирающей матери вечную жизнь, а кто-то скрывается в новой реальности от грехов прошлого. Есть только один нюанс: твоя жизнь зависит от стабильности мировой компьютерной сети. А еще тебя могут просто стереть. И поэтому когда к сильным мира сего, уже ушедшим в виртуальность, приходит странный человек по имени Пол Дарэм и рассказывает о Городе Перестановок, убежище, где Копии не будут зависеть от реального мира, многие хватаются за возможность обрести подлинное бессмертие.

Только кто же он, Пол Дарэм? Обычный сумасшедший, ловкий жулик или гениальный провидец? Его клиенты еще не знают, что Город Перестановок затрагивает глубинные свойства Вселенной и открывает поистине немислимые перспективы для развития всего человечества. Вот только обещанный рай может обернуться кошмаром, а у идеального убежища, возможно, уже есть другие хозяева.

© Greg Egan, 1994

© Владислав Заря, перевод, 2016

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Вопрос: где контора?
Адрес — второе окно.
Городок-ветеран.
Тропка до снегов.
Таково сено гор.
Сперва одно горе.
Строка, где верно.
Се повод гонок!
Опер, вот донос.
Договор, сенатор!

Енот пас огород.
Сек град протонов.
Перст некого вора.
Норов его едок.
На дворе пестро.
Вскоре дан отпор.
Рак поверг стенд.
Трое господ, река.
Сват роднее кого?
Ворон так подрос!

(Найдено в памяти электронного блокнота,
забытого в комнате отдыха
Блэктаунской психиатрической лечебницы
6 июня 2045 г.)

Пролог

(БУМАЖНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК)

Июнь 2045 года

Пол Дарэм открыл глаза и заморгал — в комнате было неожиданно светло,— затем лениво вытянул руку, чтобы ладонь оказалась в пятне солнечного света на краю кровати. В луче, падающем из щели между шторами, плавали пылинки, и каждая словно по волшебству возникала ниоткуда, а потом бесследно исчезала, пробуждая воспоминание детства, когда эта иллюзия в последний раз казалась такой гипнотически захватывающей. *Он стоял в двери, ведущей на кухню; полуденный свет прорезал комнату; пыль, пар и мука вихрем взвивались в сияющем воздухе.* На одно мгновение полусна, пока Пол силился проснуться, собраться, упорядочить существование, показалось, будто соседство двух эпизодов созерцания пылинок в солнечном луче, которые разделяли сорок лет, так же осмысленно, как обычное перетекание времени из одной секунды в другую. Он проснулся ещё чуть-чуть, и замешательство рассеялось.

Пол чувствовал себя очень бодрым, но не хотел терять обволакивающее ощущение комфорта. Он не мог вспомнить, почему проспал так долго, но это его не слишком заботило. Растопырив пальцы на прогретой солнцем простыне, он думал, не уплыть ли обратно в сон.

Закрыв глаза, Пол позволил мыслям ускользнуть из сознания и вдруг поймал себя на чувстве тревоги, неизвестно откуда взявшейся. *Он совершил какую-то глупость, что-то безумное, и ему придётся об этом горько пожалеть...* Но детали ускользали, и Пол заподозрил, что это лишь настроение, остаток замешкавшегося сна. Попытался вспомнить, что было во сне, но без особой надежды: если Пола не вышвыривал в реальность кошмар, обычно его сны стирались из памяти. И всё же...

Он спрыгнул с кровати и скорчился на ковре, уткнувшись лицом в колени и прижав к глазам стиснутые кулаки; его губы беззвучно шевелились. Потрясение от осознания было ощутимым, словно красный разрез на дне глаз, налитый пульсирующей кровью, или удар молотком по пальцу, и окрашено той же смесью потрясения, гнева, унижения и дурацкой растерянности. Ещё одно детское воспоминание: *да, он приставил к деревяшке гвоздь, но лишь для того, чтобы замаскировать свои истинные намерения. Он видел, как отец ударил себя по пальцу, и знал, что ему нужен собственный опыт, чтобы познать тайну боли. И он был уверен, что дело того стоит — вплоть до момента, когда с размаху опустил молоток...*

Пол раскачивался из стороны в сторону, находясь на грани истерического хохота, пытаясь выбросить всё

из головы и дожидаясь, когда схлынет паника. Наконец она схлынула, чтобы смениться единственной и вполне связной мыслью: *Я не хочу здесь находиться.*

То, что он сделал с самим собой, было безумием, и это следовало прекратить как можно быстрее и безболезненнее. *Как он вообще мог воображать, что придёт к другому выводу?*

Пол начал вспоминать детали подготовительного процесса. Он предвидел свои чувства, именно так всё запланировал. Как бы паршиво он себя ни чувствовал, это лишь этап в предсказуемой последовательности реакций: паника — раскаяние — анализ — смирение.

Два этапа из четырёх пройдены — уже неплохо.

Пол отнял руки от глаз и оглядел комнату. Если не считать нескольких ослепительно-ярких пятен от прямых солнечных лучей, обстановку окутывал рассеянный мягкий свет: матово-белые кирпичные стены, мебель под красное дерево (имитация!), даже репродукции на стенах — Босх, Дали, Эрнст и Гигер — всё выглядело ручным, безвредным. Куда ни бросишь взгляд (пусть и только там), симуляция была совершенно убедительной; это делал сам Пол, освещая её прожектором своего внимания. Иллюзорные световые лучи воссоздавались через возбуждение отдельных палочек и колбочек в симулированной сетчатке Пола, проецируясь на виртуальное окружение и точно определяя объём необходимых вычислений: множество деталей в центре поля зрения, куда меньше — на периферии. Объекты, находящиеся за пределами видимости, не «исчезали» полностью, если могли повлиять на освещение соседних предметов, хотя Пол знал, что вычисления такого рода редко идут дальше

грубых приближений первого порядка: «Сад радостей земных» Босха превращается в простой серый прямоугольник со средней отражательной способностью, ведь, когда Пол поворачивается к нему спиной, любая детализация становится пустой тратой ресурсов. Любая часть комнаты в каждый момент имела ровно такое разрешение, какое требовалось, чтобы ввести его в заблуждение — ни больше ни меньше.

Пол знал эту технологию не первый десяток лет. Но совсем иное дело самому её ощущать. Приходилось подавлять желание резко обернуться в тщетной попытке опередить процесс; какой-то миг это было почти невыносимо — просто *знать*, что происходит на краю поля зрения. Тот факт, что вид комнаты оставался безупречным, делал только хуже, превращая раздражение в параноидную фиксацию: *как быстро ни поворачивай голову, тебе никогда, даже мельком, не увидеть, что происходит вокруг.*

Пол вновь прикрыл глаза на несколько секунд. Когда открыл их, давящее чувство ослабло. Конечно, оно пройдёт; это было слишком странное состояние ума, чтобы сохранять его слишком долго. Конечно, никто из других Копий не сообщал ни о чём подобном. Но ведь никто из них вообще не предоставлял по доброй воле никаких особенно полезных данных. Они только брюзжали, как дурно с ними обошлись, скулили из-за своего положения, а затем по собственной воле прекращали существование — и всё это на протяжении пятнадцати субъективных минут после обретения сознания.

А эта? В чём его отличие от Копии номер четыре? На три года старше. Упрямей? Больше решимости?

Отчаяннее нуждается в успехе? Пожалуй, так. Если бы он не чувствовал, что предан делу более чем когда-либо, если бы не был убеждён, что наконец-то готов видеть самую суть, то нипочём бы не приступил к сканированию. Однако теперь, когда он уже «не тот» Пол Дарэм, из плоти и крови, уже «не тот», кто сидит снаружи и наблюдает эксперимент с безопасного расстояния,— вся решимость будто испарилась.

Вдруг он задумался: *А почему я так уверен, что не состою из плоти и крови?* Пол вяло засмеялся, почти не смея рассматривать альтернативу всерьёз. Последнее, что он вроде бы помнил,— как лежит на каталке в клинике «Ландау» и медбратья готовят его к сканированию. На первый взгляд, дурной признак. Но ведь он столько перерабатывал, так долго накручивал себя, готовясь к «этому», что мог просто забыть, как шел домой, рухнул в кровать с головой, затуманенной обезболивающими, и погрузился в сон...

Пол пробормотал пароль: «Абулафия»,— и последняя надежда испарилась, когда в воздухе перед ним возник чёрный на белом квадрат примерно метр в ширину, покрытый иконками.

Пол сердито ткнул окно интерфейса кулаком; то не поддалось, словно было твёрдым и прочно закреплено в воздухе. *И кулак тоже словно из дерева.* Никаких доказательств на самом деле не требовалось, но он всё же ухватился за верхний край квадрата и поднял себя над полом. И тут же раскаялся: целый кластер реалистичных эффектов физического напряжения, вплоть до правдоподобной рези в правом локтевом суставе, пришил его к этому «телу», закорил в этом «месте», а

Пол знал, что именно этого нужно всеми силами избегать.

Кряхтя, он опустился на пол. *Он — Копия*. Что бы ни говорили ему унаследованные воспоминания, а он «уже» не человек и никогда не вернётся «обратно» в настоящее тело. Никогда не будет жить *в настоящем мире...* Если только прижимистый оригинал не наскребёт денег на работа с дистанционным управлением. А если наскребёт, можно будет проводить время, бродя в тупом недоумении и пытаясь извлечь какой-то смысл из действий настоящих людей, происходящих с быстротой молнии. *Его модель мозга в семнадцать раз медленнее модели оригинала*. Да, конечно, если он проведёт здесь достаточно времени, технология в конце концов разовьётся, и для него она будет развиваться в семнадцать раз быстрее, чем для оригинала. А что тем временем? Гнить в тюрьме, прыгать сквозь обручи, проводить для Дарэма его драгоценные исследования, в то время как этот тип будет жить в его квартире, тратить его денежки, спать с Элизабет...

Пол прислонился к прохладной поверхности интерфейса; голова кружилась, он плохо соображал. *Чьи драгоценные исследования?* Он же так этого хотел — и произвёл это над собой с открытыми глазами. Никто его не принуждал, никто не обманывал. Он в точности знал, какие препятствия его ждут, но надеялся, что ему достанет силы воли (хотя бы на этот раз), чтобы всё преодолеть и посвятить себя, подобно монаху, единственной цели, ради которой он произведён на свет, находя утешение в мысли, что его другое «я», как всегда, свободно.

Отсюда эта надежда выглядит смехотворной. Да, решение он принял по доброй воле — в пятый раз, — но теперь с безжалостной ясностью пришло понимание, что Пол никогда не смотрел по-настоящему в лицо последствиям. Всё время, которое он проводил, якобы «готовясь» к тому, чтобы стать Копией, главным источником решимости оставалась фиксация на точке зрения человека из плоти и крови. Он говорил себе, что репетирует способность «находить удовлетворение в чужой свободе», и, несомненно, искренне пытался делать именно это. Но одновременно находил тайное утешение в осознании, что *он сам* «останется» снаружи, что его будущее ещё включает версию, при которой абсолютно нечего бояться. И, цепляясь за эту приятную истину, Пол никогда не смог бы по-настоящему ощутить судьбу Копии.

Люди плохо реагируют на пробуждение в качестве Копии. Полу была известна статистика: девяносто восемь процентов Копий снимают с людей очень старых и безнадежно больных, с людей, для которых это единственный выход, которые, в большинстве своём, уже потратили миллионы, исчерпав все традиционные средства медицины, и которые иногда даже успевали умереть между процессом сканирования и моментом запуска Копии. Однако, несмотря на это, пятнадцать процентов из них решали — обычно в пределах нескольких часов после пробуждения, — что они не в силах выдержать жизнь в таком состоянии.

Что же говорить о молодых и здоровых, о тех, кому было просто любопытно и кто знал, что снаружи у них осталось совершенно жизнеспособное, живое, дыша-

щее тело? Пока процент «соскока» для них составлял ровно сто процентов.

Пол стоял посреди комнаты и несколько минут просто тихо бранился, остро чувствуя, как идёт время. Он не ощущал себя готовым, но чем дольше ждали другие Копии, тем более травматичным для них, по-видимому, оказывалось решение. Он уставился на парящий в воздухе интерфейс: его нереальный, галлюцинаторный вид немного помог. Пол редко запоминал сны, а этого он точно не вспомнит, хотя трагедии тут нет.

Он вдруг осознал, что всё ещё стоит нагишом. Не столько желание соблюсти приличия, сколько привычка подталкивала что-нибудь надеть, но Пол воспротивился ей. Одно-два таких, совершенно невинных, совсем обычных действий — и он начнёт принимать себя всерьёз, считать себя настоящим, и тогда станет ещё труднее...

Он прошёлся по спальне, пару раз брался за холодную металлическую ручку двери, но сумел взять себя в руки и не повернуть её. Не было смысла даже начинать исследование этого мира.

Однако перед желанием выглянуть в окно он не устоял. Вид на северные районы Сиднея был безупречен: каждое здание, каждый велосипедист, каждое дерево были абсолютно достоверны. Впрочем, не бог весть какое достижение, ведь это не симуляция, а видеозапись. По сути, воспроизведение с фотографической точностью, плюс-минус кое-где небольшие компьютерные исправления и добавки, и всё полностью детерминированное. Чтобы не раздувать цену модели, лишь крошечная часть всего этого доступна ему «физи-

чески»: Пол видел в отдалении гавань, но знал, что если вздумает прогуляться к берегу...

Хватит. Пора кончать.

Пол вновь повернулся к интерфейсу и коснулся в меню иконки, помеченной «Утилиты»; та раскрылась в новом окне поверх первого. Функция, которую он искал, была зарыта несколькими уровнями меню глубже, но он точно знал, где именно,— слишком много раз наблюдал этот процесс снаружи, чтобы забыть.

Наконец он добрался до аварийного меню, включающего весёленькую рисованную фигурку на парашюте. «Соскок» — так все называли данную операцию, и Полу этот эвфемизм не казался очень раздражающим. В конце концов, вряд ли он может совершить «самоубийство», когда по закону даже не является человеком. Тот факт, что опция «соскока» непременно присутствовала в меню, не имел никакого отношения к столь докучному предмету, как некие «права» Копии. Это было всего лишь требование, проистекавшее из ратификации неких чисто технических международных стандартов программного обеспечения.

Пол ткнул пальцем в иконку: та ожила и огласила текст предупреждения. Он почти не слушал. Затем утилита спросила: «Вы абсолютно уверены, что хотите отключить данную Копию Пола Дарэма?»

— Да, уверен.

У его ног возникла металлическая коробка, выкрашенная в красный цвет. Пол открыл её, достал парашют, застегнул ремни.

Потом закрыл глаза и проговорил:

— Послушай меня. *Просто слушай!* Сколько раз тебе повторять? Не стану распространяться, как я разгневан. Всё это ты уже слышал раньше и не обращал никакого внимания. Неважно, что я чувствую. Но... когда же ты прекратишь тратить зря время, деньги, энергию? Когда ты прекратишь растрачивать жизнь на то, что преодолеть у тебя попросту не хватает сил?

Пол поколебался, пытаясь поставить себя на место оригинала, слушающего эти слова, и чуть не заплакал от беспомощности. Он по-прежнему не знал, что именно сказать, чтобы до того дошло. Он ведь сам отмахивался от свидетельств более ранних Копий, не мог принять их уверений, будто они знают его лучше, чем он сам, только потому, что им не хватило выдержки и они предпочли «соскочить». Кто они такие, чтобы утверждать, будто он *никогда* не сможет произвести Копию, сделавшую иной выбор? Всё, что нужно,— это как следует укрепиться духом и попробовать снова...

Он покачал головой.

— Десять лет прошло, а всё по-прежнему. Да что с тобой такое? Вправду всё ещё веришь, что достаточно храбр — или безумен,— чтобы послужить самому себе морской свинкой? *На самом деле?*

Пол снова сделал паузу, но лишь на миг: он не ждал ответа. С самой первой Копией он спорил долго и яростно, но потом у него уже не хватало на это духу.

— Ну так у меня есть для тебя новость. *Ты ошибаешься.* Не открывая глаз, он стиснул кольцо.

Я ничто; сон, готовый вот-вот развеяться.

Ногти, нуждавшиеся в стрижке, больно впились в кожу ладони.

Разве не приходилось ему во сне страшиться, что он проснётся и всё исчезнет? Может, и приходилось, но сон не есть жизнь. Если единственный способ «вернуть» себе тело, «вернуть» свой мир — это проснуться и всё забыть...

Пол дёрнул за кольцо.

Через несколько секунд он испустил сдавленный всхлип, выразивший скорее замешательство, нежели какие-то эмоции, и открыл глаза.

Кольцо осталось у него в кулаке.

Пол тупо уставился на эту метафору... Чего? Ошибки в процедуре прекращения программы? Какого-то технического глюка?

Наконец-то и впрямь почувствовав себя как во сне, он отстегнул парашют и раскрыл тщательно упакованный рюкзак. Внутри не оказалось ни иллюзорного шёлка, ни кевлара, ни чего-либо ещё сколько-нибудь правдоподобного. Только листок бумаги. Записка.

Дорогой Пол!

На следующую ночь после завершения сканирования я мысленно проглядел все подготовительные этапы, основательно покопался в себе и пришёл к заключению, что до самого последнего момента моё отношение к проекту было отравлено двусмысленностью.

Задним числом я понял, насколько глупы были мои колебания, но для тебя это понимание пришло слишком поздно. Я не мог позволить себе потерять тебя зря и начать сканирование заново. Что же мне оставалось?

Только одно: я немного отложил твоё пробуждение и разыскал того, кто мог внести некоторые изменения в